

—

IX.

В этот день на утреннем приеме вдовствующий префект столичной управы префектуры Шуньтянь Дин Е подал прошение, в котором обвинил чиновников уезда Лин префектуры Шаньдун в присвоении казенного зерна, выделенного для ликвидации последствий бедствия, что привело к гибели более десяти тысяч местных жителей.

В качестве доказательства было представлено «письмо крови», подписанное сотней человек, которое привез в столицу студент из уезда Лин, взявший на себя смелость донести правду.

Прошлым летом в провинции Шаньдун случилась великая засуха.

Дождя не было много месяцев. В шестнадцати уездах разразился страшный голод, урожай полностью погиб.

Осенние налоги того года еще не были собраны, а средства из государственной казны уже были отправлены пограничным войскам для заготовки зимнего фуража — у правительства не было возможности выделить дополнительные средства на помощь пострадавшим.

В безвыходной ситуации император Цзяньчжао и шесть министерств постановили: позволить пострадавшим уездам самостоятельно открыть местные зернохранилища и раздать запасы народу. Предполагалось, что после сбора осенних налогов в следующем году казна выделит средства, чтобы восполнить пустующие амбары.

Здесь стоит пояснить, почему при возникновении бедствия власти предпочитают везти продовольствие за тысячи ли, вместо того чтобы открыть местные закрома.

Дело в том, что первоочередная цель уездных и городских хранилищ в древности — обеспечение нужд армии, и лишь во вторую очередь — помощь при стихийных бедствиях. Зернохранилища — это вопрос военного значения и основа основ государства.

Поэтому, чтобы в какой-либо местности открыли амбары для раздачи зерна, бедствие должно быть признано исключительным. Чиновники всех уровней обязаны подсчитать масштаб ущерба, подать отчет в столицу, где император и министерства после долгих обсуждений вынесут решение. Только в самом крайнем случае издается императорский указ об открытии хранилищ.

Именно поэтому в книгах и театральных постановках часто встречаются сюжеты о чиновниках, которые из жалости к народу самовольно открывали амбары, за что в итоге лишались головы.

Однако прошлым летом на засуху в нескольких уездах префектуры Шаньдун правительство отреагировало быстро. Было дано официальное разрешение открыть зернохранилища, а после сбора осенних налогов в провинцию даже перечислили серебро на восполнение запасов. По логике вещей, столь массовых жертв быть не должно.

Уезд Лин, упомянутый в докладе Дин Е, считался богатым уездом префектуры Шаньдун. В нем проживало около четырех тысяч дворов, что составляло примерно двадцать тысяч человек населения.

Но, по словам Дин Е, во время прошлогодней засухи в Линсяне погибло почти десять тысяч человек — то есть почти половина населения.

Это было чудовищно. Из этого следовал единственный вывод: в прошлом году магистрат уезда Лин попросту не проводил раздачу зерна.

В таком случае — куда делось зерно из амбаров?

Глядя на кровавые отпечатки пальцев в тексте прошения, не только император Цзяньчжао пришел в ярость, но и все придворные застыли в ужасе.

Ох, какая трагедия...

Гнев Сына Неба был беспределен.

Расхищение казенного зерна в тысячу раз омерзительнее самовольного открытия амбаров. Это были настоящие «государственные крысы».

Более того, бедствие случилось прошлым летом, а доклад дошел до трона только к середине следующего года. Это значило, что верхушка власти в Шаньдуне и, возможно, даже кто-то из шести министерств в столице намеренно покрывали преступников.

Император Цзяньчжао немедленно приказал Гу Сьюаню во главе отряда императорских гвардейцев отправиться в уезд Лин для расследования.

Во-первых, император безоговорочно доверял Гу Сьюаню. Во-вторых, доносчик — префект Дин Е — считался человеком Шестого принца Се Сюаня.

Поскольку Гу Сьюань и Се Сюань всегда враждовали, тот не станет подыгрывать стороне доносчика, и результаты его проверки будут самыми беспристрастными.

Гу Сьюань не терял ни минуты.

Получив устный указ, он тут же отобрал лучших коней и без лишнего обоза верхом покинул город.

— Императорская гвардия при исполнении! Всем разойтись! — кричали впереди всадники, расчищая путь.

Гу Сьюань мчался во главе отряда, его черные волосы развевались на ветру.

На верхнем этаже самого высокого столичного павильона Сыцзигэ префект Шуньтянь Дин Е проводил взглядом скачущий отряд и нахмурился:

— Ваше Высочество, отправлять Гу Сюаня на проверку... не выйдет ли нам это боком?

Он прекрасно знал, что этот командующий гвардией и по совместительству инспектор столичного гарнизона питает к Шестому принцу острую неприязнь.

Прошло немало времени, прежде чем он получил ответ.

Дин Е в замешательстве покосился на своего принца и увидел: Шестое Высочество, подперев подбородок рукой и прикрыв веки, замороженно смотрит вслед уносящемуся отряду гвардейцев. На его обычно холодном, отстраненном лице играла едва уловимая, нежная

улыбка — так смотрят только на самого дорогого сердцу возлюбленного.

Сперва Дин Е подумал: «Всё-таки Шестой принц еще совсем юн. Весенние порывы, влюбчивость — дело житейское».

Но в следующий миг он почувствовал неладное.

Он вытянул шею и выглянул в окно. Из-за бесцеремонного стиля езды гвардейцев все прохожие давно попрятались в лавки и дома. Ни одной красавицы поблизости не было.

Значит, принц действительно с такой улыбкой смотрит на гвардейцев? Но гвардия — это же толпа суровых мужиков...

И красавцев среди них особо не наблюдалось. Единственный, кто обладал выдающейся внешностью, был тот самый Гу Сюань, с которым у Шестого принца давние счеты.

Неужели принц улыбается Гу Сюаню?

Дин Е передернуло от холода. Он тряхнул головой, решив, что, должно быть, выпил лишнего чая и в голову полезла всякая чепуха.

Когда всадники окончательно скрылись из виду, Се Сюань неспешно повернулся к сидящему рядом Дин Е:

— Не стоит беспокоиться. На этот раз у нас достаточно улик, такое не скроешь. К тому же, зная характер Гу Сюаня, он не станет сводить личные счеты в деле такой государственной важности.

— О... — протянул Дин Е.

Но его мысли были уже далеко. Шестое Высочество... только что похвалил Гу Сюаня?

Быть не может. Его недавняя догадка... Да нет, не может быть...

Се Сюань прищурился, глядя на этого человека со странным выражением лица:

— Господин Дин, что с вами?

Дин Е поспешно принял серьезный вид:

— Ничего.

Внезапно он почувствовал на своих плечах тяжкий груз ответственности человека, посвященного в великую тайну.

Расстояние от столицы до уезда Лин составляло тысячу двести ли. Весь этот путь Гу Сюань проделал почти без остановок — лишь сменял лошадей на почтовых станциях и перекусывал на ходу. Он гнал отряд и днем, и ночью, без сна и отдыха.

Путь, на который обычно уходило около десяти дней, он сжал до шести.

Даже сообщники преступников в столице, поспешившие отправить весть своим, не смогли его обогнать.

Гу Сьюань ворвался в уезд Лин глубокой ночью.

Он одним ударом меча выбил ворота уездной управы. Нынешний магистрат Цзян Чэнмин в это время мертвецки спал в своей постели, распространяя вокруг сильный запах вина.

Два дня спустя, когда Гу Сьюань уже возвращался в столицу с сундуком улик и двумя арестованными — магистратом Цзян Чэнмином и его помощником Фу Янем, — столичные гонцы с предупреждением только входили в городские ворота уезда Лин.

Узнав, что гвардия уже была здесь и увезла людей, гонцы просто сорвали с себя знаки отличия и бежали прочь. В этом деле уже ничего нельзя было изменить.

Минуя все патрули, Гу Сьюань вернулся в столицу, представил императору все доказательства и сдал преступников.

Поскольку дело началось с доноса из управы префектуры Шуньтянь, после недолгих споров император Цзяньчжао приказал вести совместное расследование силами управы Шуньтянь и Трех судебных ведомств.

Магистрат Цзян Чэнмин оказался человеком слабовольным. Едва попав в тюрьму Шуньтянь, он раскололся еще до того, как к нему применили пытки.

Изначально Цзян Чэнмин был честным выпускником, сдавшим экзамены на степень цзиньши. Став магистратом уезда Лин, он искренне намеревался совершить великие дела.

Однако на месте он столкнулся с непреодолимой стеной.

Местные помощник магистрата, уездный пристав и даже старшие стражники образовали неразрывную цепь — они лишь создавали видимость подчинения, на деле же саботировали все его указы.

А позже, с видом полных триумфаторов, они открыли ему «секрет» уезда Лин.

Уезд Лин был известен в Шаньдуне и даже во всей стране благодаря особому вину «Юйцзинь» (Тюльпановое вино). Оно обладало божественным вкусом. Один из императоров прошлой династии даже посвятил ему стихи, что сделало это вино легендарным.

При нынешней династии вино «Юйцзинь» стало данью для императорского двора. В год производилось всего двадцать бочек, и все они до капли отправлялись в ведение Дворцового управления — простому человеку его было не достать.

И вот, десять с лишним лет назад, один из тогдашних магистратов, его помощники и старейшины родов задумались. Нельзя же владеть такой «сокровищницей» и не пользоваться ею — это просто грех перед небом.

Они начали тайно производить вино «Юйцзинь» сверх нормы.

Сначала его потихоньку отправляли вышестоящему начальству в Шаньдуне, чтобы проложить путь к карьере. В конце концов, вино — вещь такая: выпил, и нет его, никаких улик. Это не другие ценные подношения, которые сразу бросаются в глаза.

Но стоит аппетиту проснуться, утолить его невозможно. Вскоре они решили начать продавать это вино.

Великая Лян давно жила в мире, богатых купцов было в достатке, особенно на юге и в Шаньси. У них не было недостатка в серебре, им не хватало лишь вещей, подчеркивающих статус. Вино «Юйцзинь», будучи императорским подношением, идеально подходило на эту роль.

В итоге один кувшин вина продавали за тысячи лян серебра — больше, чем жалование магистрата за десять лет.

Купцы, купившие вино, разумеется, не смели болтать: продавец совершал преступление, но и тот, кто тайно пьет вино, предназначенное для дани императору, виноват не меньше.

А начальство в Шаньдуне ежегодно получало львиную долю прибыли, так что перекрывать этот денежный поток им было невыгодно. Магистраты менялись каждые три года, но помощники и старейшины были местными — они оставались здесь всегда.

Таким образом, к настоящему времени в уезде Лин сменилось уже шесть уездных магистратов, и каждый из них в итоге был вынужден примкнуть к этому «бизнесу», покидая пост с полными карманами золота.

Благодаря связям в чиновничьей среде, завязавшимся на почве этой чарки вина, карьера тех, кто уезжал из уезда Лин, зачастую складывалась куда успешнее, чем у их коллег. За годы такой круговой поруки наверху — в самой столице — так никто и не узнал о тайной торговле вином из императорской дани.

Однако вино «Юйцзинь» превосходило обычное по вкусу по двум причинам: во-первых, из-за местной воды и зерна, а во-вторых, из-за того, что оно требовало гораздо большего количества перегонок. Если из одного цзиня зерна для обычного вина получалось три лян, то для «Юйцзинь» — лишь один, причём подходило только зерно, выращенное в самом уезде Лин.

С расширением торговли зерна перестало хватать. Но доля, полагавшаяся высокопоставленным покровителям, не могла уменьшиться, а терять огромные прибыли никто не хотел.

Естественно, эти люди положили глаз на местное зернохранилище. В конце концов, Великая Лян уже много лет не знала войн, враг сюда не дойдет, а зерно в амбарах всё равно лишь гниет день ото дня.

Кто же мог знать, что в прошлом году на Шаньдун внезапно обрушится засуха? И кто мог предположить, что правительство на сей раз отойдет от правил и прикажет им открыть собственные закрома?

Когда это случилось, Цзян Чэнмин впал в панику. Но по указке сверху и под давлением своего помощника он стиснул зубы и просто запер городские ворота, не позволяя ни единой душе покинуть уезд Лин. Начальство пообещало содействие: ни один беженец не должен был выйти за пределы Шаньдуна.

В итоге почти десять тысяч жителей уезда Лин были обречены на мучительную смерть в запортом городе.

Когда истинные причины трагедии вскрылись, при дворе все изменились в лице. Источником этой колоссальной беды оказалась... всего лишь чаша вина.

Император Цзяньчжао был вне себя от ярости. Он немедленно приговорил Цзян Чэнмина, его помощника, пристава и прочих к смертной казни через «линчи» (тысячу порезов), а всех их

родственников до третьего колена — к ссылке. Остальные причастные чиновники Шаньдуна получили кто виселицу, кто каторгу.

Однако за те десять с лишним лет, что процветало тайное производство, многие чиновники успели перевестись из уезда Лин и префектуры Шаньдун в другие места на повышение. И они, разумеется, были в курсе.

Среди них оказался и бывший губернатор префектуры Шаньдун, а ныне — левый помощник министра юстиции Вэн Сююн. Тот самый, чью дочь всего месяц назад император сосватал за Четвертого принца Се Хуаня. Свадьба должна была состояться в ближайший благоприятный день.

Кроме того, в деле всплыло имя Юань Лянпина, бывшего магистрата уезда Лин и единственного сына министра финансов Юань Сяня — вернейшего сподвижника Первого принца Се Хуна.

Тут уж не только люди Шестого принца Се Сюаня стали требовать сурового наказания для всех виновных. Сторонники Второго принца Се Куаня тоже проявили необычайную активность — кто же откажется ударить сразу по двум соперникам?

Аргументы были весомыми. Мало того, что расхищение амбаров — это преступление, караемое смертью всего рода, и мало того, что погибли тысячи людей, так само тайное производство императорской дани было открытым попранием авторитета и достоинства императорской семьи. То, что даже члены правящей династии получали строго по норме, какие-то подлые чиновники и купцы смели пить в неограниченных количествах?

Под давлением общественного негодования император Цзяньчао не мог пойти против течения. Юань Лянпин был приговорен к обезглавливанию, а его отец, Юань Сянь, за многолетние заслуги отделался лишением чина и конфискацией имущества.

Первый принц, разом потерявший своего «министра кошелька», едва не плакал кровавыми слезами. Министерство финансов — это ведь казна! Как без денег привлекать сторонников и содержать верных людей?

— Се Сюань, как ты посмел!.. — после утреннего приема Се Хун преградил брату путь.

Се Сюань прищурился:

— Старший брат, ты помнишь наш разговор в прошлом месяце перед Дворцом Высшего Предела?

Се Хун вытаращил глаза. Тогда он, желая досадить Се Сюаню, активно ратовал за назначение Гу Сюаня — заклятого врага брата — инспектором столичного гарнизона. Неужели месть пришла так быстро?

Се Сюань, видя, как брат погрузился в свои мысли, удовлетворенно кивнул. Но в глубине души ему было немного грустно.

«Эх, почему же никто не верит, что я просто честный принц, который искренне хочет защитить народ и покарать взяточников?»

Тем временем семья левого помощника министра Вэн Сююна была приговорена к ссылке в Линьнань. Эти края славились губительными туманами; считалось, что ни один ссылный

преступник не выживал там долго.

— Се Сюань, ты сумасшедший, — Се Хуань до боли сжал кулаки.

Изначально у него была помолвка с дочерью министра Вэна. Согласно законам династии, членам императорского рода, за исключением обвиненных в государственной измене, наказание смягчалось на две ступени. Родственникам со стороны супругов — на одну.

Пять видов наказаний — это порка плетью, палки, каторжные работы, ссылка и смерть. Смягчение ссылки на одну ступень означало каторгу, а каторга в эти времена была фактически тюремным заключением. Поскольку зерно было дорогим, никто не держал преступников десятилетиями — это означало бы, что казна их кормит. Обычно срок не превышал трех лет.

Если бы Се Хуань не расторг помолвку и взял девушку в жены, семья Вэн стала бы императорской родней. По закону они получили бы смягчение, и через пару лет, при должном подкупе, все остались бы живы.

Но он стремился к трону. Он не мог позволить себе тестя-преступника, совершившего столь чудовищные злодеяния — иначе он навсегда потерял бы расположение народа.

Однако, когда он решительно расторг помолвку, взгляды придворных, которых он пытался привлечь на свою сторону, изменились. В них читалось осуждение: принца сочли холодным и неблагодарным. Образ преданного и добродетельного сына, который он так старательно выстраивал на празднике вдовствующей императрицы, рассыпался в прах.

Взгляд Се Хуаня стал ледяным.

«Что они понимают? Откуда им знать, как мне было трудно? Всё из-за Се Сюаня, проклятый... Знай я, что так будет, не возился бы с тем подношением на празднике, а просто прирезал бы его».

— Се Сюань, отныне либо ты, либо я. Пока не убью тебя, не будет мне покоя!

— О чем это ты? — в комнату вошел император Цзяньчжао.

Се Хуань мгновенно сменил выражение лица:

— Отец.

Император сел в кресло и долго разглядывал сына, прежде чем мягко произнести:

— Я знаю, что ты пострадал в этой ситуации. Но разве такие слова можно произносить вслух?

Се Хуань склонил голову. Он понял, что отец не рассердился всерьез на его слова об убийстве брата, и ему сразу стало легче.

«Хм, Се Сюань, пусть ты сейчас и в милости, но на деле ты лишь мой щит. Отец, который, как ты думаешь, любит тебя больше всех, на самом деле ни во что тебя не ставит... Ты лишь готовишь почву для другого».

Император Цзяньчжао продолжил:

— В этот раз я тоже не всё предусмотрел. Я сосватал тебе дочь министра Вэна, полагая, что

хоть он и не слишком заметен при дворе, у него много учеников и старых связей. Кто же знал, что он вляпается в такое грязное дело?

Се Хуань поспешно ответил:

— Отец и так приложил все силы ради сына. Никто не мог этого предвидеть.

Император кивнул:

— Пусть это останется в прошлом. Ты еще молод, возможностей будет предостаточно. Я подберу тебе другую подходящую партию, и со временем все забудут о случившемся.

— Слушаюсь, — с улыбкой отозвался Се Хуань.

Помедлив, он нерешительно добавил:

— Отец, Се Сюань всегда был скрытным, но в последнее время он ведет себя странно. Мне кажется... не заподозрил ли он чего?

Лицо императора стало суровым. Как отцу, ему было не слишком приятно использовать собственного сына. После случая на жертвоприношении Се Сюань мог что-то заподозрить, но это вряд ли выходило за рамки догадок — ведь позже император по-прежнему осыпал его милостями. Разве что назначение Гу Сюаня инспектором вопреки его желанию... Неужели из-за этого он заметил неладное?

— Я прикажу людям внимательно всё проверить.

Тем временем в поместье Шестого принца, проводив группу верных ему чиновников, Се Сюань обернулся и увидел на каменной скамье в саду высокую фигуру, которую не видел уже давно.

Наш «скрытный» Шестое Высочество тут же запрыгнул на Гу Сюаня и возмущенно закричал:

— Ты ездил в уезд Лин и обратно больше десяти дней! Вернулся в столицу и не пришел ко мне сразу! Неужели по дороге встретил какую-то демоницу, которая вскружила тебе голову?

На этот раз он действительно очень скучал.

Гу Сюань крепко обхватил его за тонкую талию и, чуть усмехнувшись, тихо произнес, глядя в глаза:

— Раз в столице меня ждет такой бойкий и милый львенок, зачем мне смотреть на других демониц?

Услышав это, Се Сюань почувствовал одновременно и гордость, и обиду. «Бойкий и милый» — это ладно, но как он может называть его львенком? Неужели он такой уж свирепый?

Он открыл рот, собираясь укусить Гу Сюаня, но когда его тонкие пальцы коснулись груди и плеч мужчины, он почувствовал сквозь одежду, что тот заметно похудел, хоть и остался таким же крепким.

Желание кусаться мгновенно пропало. Он прижался к его горлу, которое из-за худобы стало еще более рельефным, и прошептал:

— Так похудел... Зачем так надрываться? Специально решил заставить меня страдать, чтобы я

не злился на тебя? Гу Сюань, ты невыносим! Как ты смеешь так издеваться над принцем? Решил использовать «стратегию горького плода», да?

— ... — Гу Сьюань промолчал.

Это был классический случай, когда виноватый валит всё с больной головы на здоровую. Интересно, кто из них первым начал использовать «стратегию красавца»? Но вслух он этого не сказал, иначе последовал бы новый виток обвинений в издевательствах.

Подумав, он негромко ответил:

— Это потому, что Ваше Высочество меня жалеет. Иначе никакая «стратегия» бы не сработала.

— Гу Сюань, генерал Гу... Откуда в тебе сегодня столько красноречия? Дай-ка я посмотрю, не вселился ли в тебя какой демон? — белоснежные пальцы Се Сюаня, подобные нефриту, медленно скользнули по его губам.

Гу Сьюань пристально посмотрел на него и небрежно бросил:

— В том, чтобы просто трогать, какой прок?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281626>